

УДК 821.161.1

«В ГРОЗУ» ОЛЕГА ЧУХОНЦЕВА: ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОГО ОРЕОЛА СТИХОВОГО РАЗМЕРА

© А.Э.Скворцов

Данная статья посвящена анализу одного стихотворения крупнейшего русского поэта Олега Чухонцева (р. 1938). Произведение погружается в широкий историко-культурный контекст и анализируется с точки зрения стиховой формы, жанра и работы с подтекстом. Показано, как автор творчески воспринимает и трансформирует жанр баллады, восходящий к русским и западноевропейским образцам XIX века. Предлагается подход к анализу общих принципов работы автора с поэтической традицией.

Ключевые слова: О.Чухонцев, форма стиха, семантика, жанр, подтекст, интертекст.

Настоящая статья является частью исследования, посвящённого всестороннему изучению творчества одного из ведущих современных русских поэтов Олега Чухонцева (р. 1938) (см. предшествующие работы [1-7]). Особый интерес для филолога представляет отношение автора к поэтической традиции, а в рамках данной проблематики – работа с семантическим ореолом различных стиховых размеров. В отечественной филологии данная проблематика разрабатывалась рядом учёных, начиная с Г.О.Винокура и К.Ф.Тарановского, и на сегодняшний момент получила фундаментальное обоснование в монографии М.Л.Гаспарова [8].

В истории русской поэзии есть немало размеров, чей семантический ореол довольно устойчив. Наряду с ними имеются стиховые формы, также обладающие определённой семантикой, которая, однако, по тем или иным историко-культурным причинам аналитически не осознана, хотя интуитивно может достаточно отчётливо чувствоваться как авторами, так и читателями. К последним явлениям относится и размер Ам4 ааББ. С этой формой связаны религиозно-притчевые, назидательные мотивы, нередко реализуемые в жанре баллады с экзотическим колоритом.

Именно этим размером написано стихотворение Чухонцева «В грозу», созданное в 1968 году. И сюжет, и стержневой образ его, казалось бы, не связаны напрямую с литературностью: лирический герой под впечатлением мощного природного явления испытывает сильные переживания.

Первоначальным импульсом для создания произведения вполне могло послужить реальное впечатление. Но, как напоминали классики филологии, «Обычная манера отождествлять какое-либо отдельное суждение с психологическим содержанием авторской души есть ложный для

науки путь. (...) душа художника как человека, *переживающего* те или другие настроения, всегда остается и должна оставаться за пределами его создания. Художественное произведение есть всегда нечто сделанное, оформленное, придуманное – не только искусное, но и искусственное в хорошем смысле этого слова; и потому *в нем нет и не может быть* места отражению душевной эмпирики» [9:321 – курсив авт.].

И строфика опуса, и его композиционная структура, и ряд лексико-фразеологических сочетаний, и, наконец, центральный образ ненастья восходят к стихотворению И.Козлова «Буря» (1829). Оно, в свою очередь, представляет собой перевод сочинения А.Мицкевича «Burza» из цикла «Крымские сонеты» (1826).

Особый интерес представляет следующая перекличка: «Торжественно буря завывала; дымясь, / Из бездны кипучей гора поднялась; / И ангелгубитель по ярусам пены / В корабль уже входит, как ратник на стены. // Кто, силы утратив, без чувства падет; / Кто, руки ломая, свой жребий клянет; / Иной полумертвый о друге тоскует, / Другой молит бога, да гибель минует. // Младой иноземец безмолвно сидит, / И мнит он: «Тот счастлив, кто мертвым лежит; / И тот, кто умеет усердно молиться, / И тот, у кого еще есть с кем проститься» [10:149]. Ср.: «(...) Лил ливень. Металась сирень за окном, / и крыша слепила зловещим огнем. / Я только очнулся, окно затворяя, / как вспыхнула вспышка, на миг озаряя // все мокрые крыши, весь вымокший сад, / и грянул – я так и отпрянул! – разряд, / и я, как цыпленок, забившись под клушу, / не знал, куда деть оробевшую душу. // Не так ли когда-то – конечно, не так! – / глядел Зороастр в ослепляющий мрак / из храма и, гневную чуя тревогу, / пророк выходил исповедаться Богу. // Лил ливень. Гремел за раскатом раскат. / А он подымал испытующий

взгляд / и смерти искал, но ревнивая Сила / его – поборовшего робость – щадила (...)» [11:91].

Главная точка пересечения здесь – образы карающего грешников посланца Бога у Козлова и беседующего с Богом пророка у Чухонцева. Близкие, хотя и не тождественные по смыслу строки также подтверждают справедливость сближения двух текстов: «Другой молит бога, да гибель минует» (Козлов) – «(...) и смерти искал, но ревнивая Сила / его – поборовшего робость – щадила (...)» (Чухонцев).

Чухонцевский пророк – Зороастр. Отсылка к Ницше здесь не работает: во-первых, имя персонажа передается не как «Заратустра», а более традиционно (такая форма характерна для литературы XVIII-начала XX века, ср., например: «Се идет твой современник / Зороастр (...)» [12:81]). Во-вторых, и сам Ницше, и его философия нерелевантны для художественного мира поэта.

На первый взгляд, имя основателя древнеиранской религиозной традиции далеко от библейских ассоциаций. Но в стихотворении оно упомянуто не в связи с неким влиянием данного течения на смысл сочинения, а по ясной образной логике: поскольку в тексте постоянно упоминается небесный огонь, ассоциация с пророком-огнепоклонником оказывается естественной. Библейские смысловые обертоны тут, тем не менее, присутствуют: герой всё же – пророк.

Отсылка к Козлову-Мицкевичу с их темой напряжённого предсмертного диалога с Богом принципиально важна для понимания неявного смысла сочинения.

«В грозу» содержит две загадочные строки. Первая: «И саднило душу совсем об ином» – о чём? Вторая: «(...) а я всё следил – подождем, подождем! (...)» – чего? Если во втором случае ещё можно предложить её простое реалистичное объяснение (герой ждёт окончания грозы), то первый вопрос так и остаётся открытым. По всей видимости, перед нами те вопросы, что лежат в плоскости не обыденной, а метафизической.

Тяготение «к иному», томление по высшему и прозрение взвездного в повседневном – устойчивый мотив всей поэзии Чухонцева. Соответствующих примеров из стихов разных лет немало. Приведём здесь лишь некоторые: «Была заря, и за рекою луг / сверкал росой, и зыбилося течение, / и, пробуждаясь, было все вокруг / исполнено иного назначения» («Я был разбужен третьим петухом...»); «Я так хотел найти слова / бесхитростного естества, / но чуждо, чуть касаясь слуха, / шуршала мокрая трава, / шумела черная листва – / свидетельства иного духа» («Когда в поселке свет потух...»); «Вперед – в просвет цве-

тущий / иного бытия!» («Напоминание об Ивике») и т.д.

Как это характерно для Чухонцева при его работе с источниками, цитированная отсылка к Козлову полемична. «Лирический герой Козлова – (...) натура активная, человек сильный. Пафос его позиции – не столько пассивное приятие обстоятельств, навязываемых ему судьбой, сколько упорное, неистовое стремление отстоять связь с миром, не замыкаться в своем несчастье (...)» [13:93-94]. Козлов стремился внести черты своего мироощущения и в переводную поэзию.

Герой Чухонцева обычно тоже отнюдь не слаб. Но, во-первых, он значительно более сложен, чем натура героя Козлова, чьи отношения с универсумом описывает следующая формула: «Плохая частная ситуация в хорошем мире; герой, отвергающий эту ситуацию и рвущийся к доброму миру, – вот концепция действительности, вот тип мироотношения, зафиксированные в поэзии Козлова как начальный этап овладения романтизмом» [13:107]. Во-вторых, его сопротивление обстоятельствам – не открытое, экстравертное и экспрессивное, а неявное, интровертное и внешне сдержанное.

В данном случае «саднит душу» героя от собственной духовной робости. Соответственно и призыв «подождём, подождём» прочитывается как возможность внутреннего усилия, которое должен совершить герой (и все люди вообще). Такое усилие мыслится как равновеликое вызову, брошенному человеку Богом. Именно потому герой стихотворения вспоминает Зороастра: тот, по его представлениям, преодолел себя, не убоился перешагнуть за собственный духовный предел и, как библейский Иаков, боролся с Богом – и борьба эта мыслится как богоугодное дело.

Мотив «лирический герой с восторгом и завистью рассказывает о другом герое, которому удалось превзойти себя», был воплощён Чухонцевым и в более раннем стихотворении «Похвала Державину, рожденному столь хилым, что должно было содержать его в опаре, дабы получил он сколько-нибудь живности» (1961). В нём также упоминается Господь и есть образ огня, используемый не в прямом, а в переносном смысле: «Первейший муж, последний жох, / не про тебя моя побаска: / я сам не плох, но – видит Бог – / не та мука, не та закваска. // Малец, себя не проворонь – / ори! А нету отголоска, / как он – из полыма в огонь – / не можешь? В том-то и за гвоздка!» [11:31].

«Буря» Козлова – основной претекст стихотворения «В грозу». Но у него есть и другие переклички с сочинениями, относящимися к семантическому ореолу Ам4 ааББ, – форме вообще до-

вольно редкой. Вернемся к некоторым эпизодам истории данного типа строфики, важным для анализа стихотворения.

Судя по всему, размер Ам4 ааББ и его дериваты изначально увязывались поэтами с балладно-религиозной тематикой. Например, Боратынский в 1832 пишет сюжетное стихотворение «Мадона» (Ам4 аа ББ), где рассказ строится вокруг идеи испытания веры. Ещё ранее, в 1824, Пушкин создал цикл «Подражания Корану», девятая часть которого имеет отношение к обсуждаемой тематике. Хотя «И путник усталый на Бога роптал...» написано не катренами, а шестистишиями Ам4 ааББвв, эта форма близка рассматриваемой. Кроме того, пушкинская притча отдельными мотивами (в первую очередь – напряжённых отношений человека и божества) также хорошо коррелирует со стихотворением «В грозу».

В 1918 году Вяч.Иванов перевёл стихотворение Х.Н.Бялика «Истинно, и это – кара Божья» для антологии «Еврейские поэты» фактически тем же размером, что и Козлов – Мицкевича, только, как и Боратынский, разбив катрены Ам4 ааББ на двестишия аа ББ. Иванов переводил Бялика по подстрочнику [14:109]. В оригинале стихи белые, и переводчик, серьёзно изменив форму, вероятно, желал сблизить текст Бялика с балладным семантическим ореолом размера, ощущавшимся русским читателем. Таким образом, идеологический заряд сочинения Бялика (суровое обращение к народу, забывающему о своих корнях), обретает в интерпретации Иванова и другие смысловые оттенки. В данном случае Иванов может считаться не только переводчиком, но и соавтором переводимого поэта.

У Бялика-Иванова на первый план выходит важный и для Козлова, и для Чухонцева мотив гневного пророческого обличения и противостояния некой мощной стихии: «И горшую кару пошлет Элоим: / Вы лгать изощритесь – пред сердцем своим, // Ронять свои слезы в чужие озера, / Низать их на нити любого убора. (...) И, строя гордыни египетской град, / В кирпич превратите возлюбленных чад. // Когда ж из темницы возропщут их души, / Крадясь под стенами, заткнете вы уши» [15: 141,142] и т.д.

Перевод Иванова был переиздан в год создания стихотворения Чухонцева. И, быть может, не случайно одна рифменная пара последнего напоминает ивановскую «души/уши»: «И я, как цыпленок, забившись под клушу, / Не знал, куда деть оробелую душу».

В 1925 году Г.Иванов в знаменитом стихотворении «Над розовым морем вставала луна...», написанного тем же размером, что и перевод его

однофамильца из Бялика, отошёл от семантики предшественников и создал произведение, где нет напряжённого диалога человека с Богом или народа с пророком, но сам мотив разговора остаётся. У него беседуют два эмигранта, пытаюсь припомнить в почти нереальной благополучно-курортной Европе дореволюционную Россию. Их обмен репликами напоминает скорее жанр «разговора в царстве мёртвых» – в русской поэзии XX века эмиграция нередко символически отождествляется с потусторонностью.

По смыслу ивановское и чухонцевское сочинения далеки одно от другого. Но здесь вступает в силу явление так называемого «языкового ин-тертекста» (по терминологии М.Гаспарова – [16]), когда в сравниваемых произведениях, написанных одним размером, но разными авторами, в разное время, в различных обстоятельствах и с неодинаковыми художественными задачами, фиксируется не столько семантическое, сколько известное формальное сходство.

При всём существенном различии текстов Иванова и Чухонцева между ними есть отдельные фразеологические и синтаксические параллели, некоторые лексические совпадения и сходство приёмов повтора. Вот первые строки двух текстов: «Над розовым морем *вставала* луна...» (Иванов) – «Такое удушье *стояло* в ночи...» (Чухонцев). А вот фрагменты из их финалов: «*Мне кажется*, будто и музыка та же. / *Послушай, послушай*, – *мне кажется* даже...» (Иванов) – «*Казалось*, весь мир трепетал под дождем, / *а я все следил* – *подождем, подождем!* – / *следил* из окна с восхищеньем и злобой: / не хочешь ли выйти? *Попробуй, попробуй...*» (Чухонцев).

Для полноты контекста приведём ещё одно сопоставление. В 1916 году Н.Клюев пишет сказочно-мифологическую «Белую Индию» астрофическим Ам4 со смежными рифмами, почти сплошь мужскими. Эта форма – близкий родственник рассматриваемой. «Белая Индия» интересна в данном случае, однако, не столько размером, сколько тем, что в ней, как и у Чухонцева, упоминается знаковое имя: «Там ветер молочный поет петухом, / И Жалость мирская маячит конем, / У Жалости в гриве овечий ночлег, / Куриная пристань и отдых телег: / Сократ и Будда, *Зороастр* и Толстой, / Как жилы, стучатся в тележный покой» [17:240].

Утверждать с определённой уверенностью, что имя пророка перешло к Чухонцеву от Клюева, оснований нет, но сам факт совпадения метра и повторения довольно экзотичного для русских стихов персонажа свидетельствует о некой общности двух стихотворений. Здесь проявляется единство семантического ореола метра, когда последний не

только часто «притягивает» к себе схожую семантику, но способен и «продуцировать» её [18:152].

Помимо «балладности» и «религиозности» размер Ам4ааББ и близкие к нему формы на протяжении почти ста лет в русской традиции сохраняли в себе явственный оттенок экзотичности и некоторой чужеродности: таковы переводы у Козлова и В.Иванова, стилизация под восточные и западные притчи у Пушкина и Боратынского, фантазийная мифологизация у Клюева. Даже у Г.Иванова, стихотворение которого – не переложение, перевод или стилизация, мотив иностранности отчётливо реализуется: действие его разворачивается в среде русских эмигрантов в Ницце. Чухонцев же почти полностью ассимилирует чужеродные элементы, связывая размер с автохтонной тематикой. Упоминание Зороастра при этом играет роль метки прежней традиции «зарубежности».

1. *Скворцов А.* Дело Семёнова: фамилия против семьи (опыт анализа поэмы Олега Чухонцева «Однофамилец») // Вопросы литературы. – 2006. – №5. – С.5-41.
2. *Скворцов А.Э.* Истоки и смысл поэмы Олега Чухонцева «Из одной жизни (Пробуждение)» // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Книга 2. – Том 149. – 2007. – С.165-179.
3. *Скворцов А.Э.* Художественные стратегии Л.Лосева, С.Гандлевского, А.Цветкова и О.Чухонцева в контексте современной поэзии и их восприятие в критике // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Книга 6. – Том 150. – 2008. – С.87-98.
4. *Скворцов А.* Апология сумасшедшего Кыё-Кыё: выбранные места из философической переписки с

- классикой. (Опыт прочтения одного стихотворения Олега Чухонцева) // Знамя. – 2009. – №8. – С.176-186.
5. *Скворцов А.Э.* Трагикомический бурлеск: «Прощанье со старыми тетрадами...» Олега Чухонцева // Вопросы литературы. – 2011. – № 1. – С.252-279.
6. *Скворцов А.Э.* Поэма Олега Чухонцева «Свои. Семейная хроника»: поэт и предшественники // Philologica. – 2012. – Vol.9. – № 21-23. – С.219-242.
7. *Скворцов А.Э.* Стихотворение О.Чухонцева «Батюшков» (генезис, форма, жанр, подтексты) // Ученые записки Казанского федерального университета. Гуманитарные науки. – Том 154. Книга 2. – 2012. – С.111-116.
8. *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. – М.: РГГУ, 1999. – 300 с.
9. *Эйхенбаум Б.М.* О прозе. – Л.: Художественная литература, 1969. – 504 с.
10. *Козлов И.И.* Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1960. – 507 с.
11. Чухонцев О.Г. Из сих пределов. – М.:ОГИ, 2008. – 320 с.
12. *Радищев А.Н.* Стихотворения. – М.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1975. – 272 с.
13. *Корман Б.О.* Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск: Изд. Удмуртского университета, 1992. – 236 с.
14. *Тименчик Р., Копельман З.* Вячеслав Иванов и поэзия Х.Н.Бялика // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 14. – С.102-115.
15. Мастера русского стихотворного перевода. В 2 тт. Т.2. – Л.: Советский писатель, 1968. – 468 с.
16. *Гаспаров М.Л.* Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2002. – Т. 61. – № 4. – С.3-9.
17. *Клюев Н.А.* Избранное. – М.: ОГИ, 2009. – 592 с.
18. *Шанир М.И.* Статьи о Пушкине. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 399 с.

«IN THE STORM» BY O. CHOUKHONTSEV: ON THE ISSUE OF POETIC METER SEMANTICS

A.E.Skvortsov

The work of the major contemporary Russian poet Oleg Choukhontsev (b. 1938) is analyzed in the wide cultural context. New approaches to studying the author's works in terms of the literary genesis (verse forms, genre, and semantics) are proposed. The way the author creatively perceives and transforms the genre of literary ballad, which takes its origin in Russian and West-European samples of the 19th century, is identified. The paper offers methods to be used in analyzing the author's basic principles of working with the poetic tradition.

Key words: O.Choukhontsev, verse form, semantics, genre, underlying themes, intertext.

1. *Skvortsov A.* Delo Semyonova: familiya protiv se-m'i (opyt analiza poe'my' Olega Chuxonceva «Odnofamilec») // Voprosy' literatury'. – 2006. – №5. – С.5-41.

2. *Skvortsov A.E.* Istoki i smysl poemy' Olega Chuxonceva «Iz odnoj zhizni (Probuzhdenie)» // Ucheny'e zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. Kniga 2. – Tom 149. – 2007. – S.165-179.
3. *Skvortsov A.E.* Xudozhestvenny'e strategii L.Loseva, S.Gandlevskogo, A.Cvetkova i O.Chuxonceva v kontekste sovremennoj poezii i ix vospriyatie v kritike // Ucheny'e zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. Kniga 6. – Tom 150. – 2008. – S.87-98.
4. *Skvortsov A.* Apologiya sumasshedshego Ky'yo-Ky'yo: vybranny'e mesta iz filosoficheskoy perepiski s klassikoj. (Opyt prochteniya odnogo stixotvoreniya Olega Chuxonceva) // Znamya. – 2009. – №8. – S.176-186.
5. *Skvortsov A.E.* Tragikomicheskij burlesk: «Proshhan'e so stary'mi tetradymi...» Olega Chuxonceva // Voprosy' literatury'. – 2011. – № 1. – S.252-279.
6. *Skvortsov A.E.* Poe'ma Olega Chuxonceva «Svoi. Semejnaya xronika»: poe't i predshestvenniki // Philologica. – 2012. – Vol.9. – № 21-23. – S.219-242.
7. *Skvortsov A.E.* Stixotvorenie O.Chuxonceva «Batyushkov» (genezis, forma, zhanr, podteksty') // Ucheny'e zapiski Kazanskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. – Tom 154. Kniga 2. – 2012. – S.111-116.
8. *Gasparov M.L.* Metr i smysl. Ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoj pamyati. – M.: RGGU, 1999. – 300 s.
9. *Ejxenbaum B.M.* O proze. – L.: Xudozhestvennaya literatura, 1969. – 504 s.
10. *Kozlov I.I.* Polnoe sobranie stixotvorenij. – L.: Sovetskij pisatel', 1960. – 507 s.
11. *Chuxoncev O.G.* Iz six predelov. – M.: OGI, 2008. – 320 s.
12. *Radishhev A.N.* Stixotvoreniya. – M.: Sovetskij pisatel', Leningradskoe otdelenie, 1975. – 272 s.
13. *Korman B.O.* Izbranny'e trudy' po teorii i istorii literatury'. – Izhevsk: Izd. Udmurtskogo universiteta, 1992. – 236 s.
14. *Timenchik R., Kopel'man Z.* Vyacheslav Ivanov i poeziya X.N.Byalika // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1995. – № 14. – S.102-115.
15. Mastera russkogo stixotvornogo perevoda. V 2 tt. T.2. – L.: Sovetskij pisatel', 1968. – 468 s.
16. *Gasparov M.L.* Literaturnyj intertekst i yazy'-kovej intertekst // Izvestiya RAN. Seriya literatury' i yazy'ka. – 2002. – T. 61. – № 4. – S.3-9.
17. *Klyuev N.A.* Izbrannoe. – M.: OGI, 2009. – 592 s.
18. *Shapir M.I.* Stat'i o Pushkine. – M.: Yazy'ki slavjanskix kul'tur, 2009. – 399 s.

* * * * *

Скворцов Артём Эдуардович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Skvortsov A.E. – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: bireli@inbox.ru

Поступила в редакцию 04.10.2013